

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 11,

Редакционная критика

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

На последнем занятии мы обсуждали критику формы как в Ветхом, так и в Новом Завете, а закончили обсуждением критики формы в Новом Завете, и особенно ее развития в изучении Евангелия. И мы сказали, что формальная критика, возникающая в исследованиях Евангелия, фокусируется на трех аспектах или имеет их. Во-первых, идентификация и обозначение формы, например, рассказа, высказывания, пословичного утверждения или чего-то в этом роде.

Во-вторых, выделение или анализ жизненной обстановки, *Sitz im Leben*, если использовать немецкий термин, жизненной обстановки в ранней церкви, которая могла породить эту форму. Например, некоторые думают, что истории о чудесах могли возникнуть в ранней церкви в обстановке или контексте, когда необходимо было защищать веру, или в апологетическом контексте. Но необходимо выделить или восстановить жизненную обстановку, обстановку в ранней церкви, которая породила форму, а затем, наконец, изучить устную передачу формы до периода ее фактического включения в библейский текст.

Взглянем на еще один пример формы в самих Евангелиях и на одну область, которая в некоторых отношениях оказалась весьма плодотворной, когда дело доходит до критики формы, и мы могли бы многое сказать по этому поводу, но я сведу все к минимуму. всего лишь пара моментов: кажутся ли притчи Иисуса плодотворной областью изучения, когда дело доходит до критики формы, особенно сосредоточив внимание, как мы сказали, вероятно, наиболее плодотворная часть критики формы Нового Завета сосредоточена на первом элементе, то есть идентифицируя саму форму в тексте и маркируя эту форму.

Но я думаю, что притчи являются плодотворным примером того, как может работать критика формы, и особенно как она влияет на то, как мы ее интерпретируем. В прошлом в притчах преобладал подход, согласно которому мы должны сосредоточиться или искать одну главную мысль, которой учит притча.

Иногда притчи рассматриваются как сравнение или метафора или обозначаются как история, которая передает только одну-единственную мысль. Таким образом, цель переводчика — выяснить, какую мысль пытался донести Иисус, когда учил притчи. Что интригует в этом подходе, так это то, что он, как правило, восходит к немецкому ученому Адольфу Юлихеру, который реагировал на то, как трактовались притчи вплоть до 19-го и 20-го веков, когда притчи, а до этого времени, притчи часто аллегоризировались.

Несколько сеансов назад мы читали крайний пример из трактовки Св. Августином притчи о добром самаритянине, где он нашел аллегорический смысл практически во всем в притче. В ответ на такую интерпретацию Адольф Юлихер, немецкий ученый, чья работа, к сожалению, еще не переведена на английский язык, заявил, что никакие притчи не передают только одну главную мысль. Таким образом, во многих толкованиях или книгах по библейскому толкованию или книгах по библейской герменевтике, рассматривающих притчи, будут следовать этому совету и предполагать, что цель толкователя, основанная на историческом контексте и учении Иисуса, состоит в том, чтобы выяснить, в чем состоит один главный момент, которому пытается научить притча.

Однако в последнее время, не столько в результате критики классической формы, которую мы обсуждали, сколько в последнее время форма притч была пересмотрена, и многие предположили, что на самом деле притчи можно классифицировать как ограниченные аллегории. . То есть притчи являются

аллегориями в том смысле, что только основные черты или главные герои получают второй уровень значения или аллегорическое значение. Не все.

Другими словами, большинство деталей существуют только для того, чтобы история работала. Но в то же время создается впечатление, что главные герои повести обретают второй смысловой уровень или аллегорический смысл. И во многих отношениях, разве не так же относился Иисус к притчам, когда истолковывал их? Например, я думаю о притче о сеятеле, где Иисус рассказывает эту притчу, а затем продолжает и объясняет ее своим ученикам.

И он говорит: сеятель — это тот, кто сеет семя слова Божия. Семя — это слово Божье, Евангелие, Царство. Разные основания, на которые падает семя, — это разные реакции на слово.

Так что даже кажется, что именно так Иисус трактовал притчи. Хотя не все трактуется аллегорически, кажется, что основные моменты и главные герои притчи имеют более глубокий уровень смысла, аллегорический смысл. Но опять же, тот, который соответствует контексту и учению Иисуса, не обязательно тот, который отражает более позднее учение Нового Завета и так далее и так далее, но значения, которые подходят для этапа истории спасения, на котором Иисус приходит и приносит о Царстве Божиим.

Так, например, один из способов анализа притч заключался в том, чтобы рассматривать, и мы вернемся к этому позже, но рассматривать притчи по трем основным типам. Один из видов притчи — это так называемая монадическая притча. В этой притче есть только одна главная мысль, потому что кажется, что у нее только один главный герой.

Например, притча о горчичном зерне, всем известная притча о горчичном зерне, главная особенность той притчи – горчичное зерно. Вот что передает суть. Это особенность, которая приобретает аллегорический уровень значения, а все остальное в притче предназначено только для того, чтобы история работала.

Или другой тип притчи — это то, что можно было бы назвать диадической притчей. Это притча, в которой есть два основных момента, которые соответствуют двум главным лицам, персонажам или особенностям в притче, например, притча, которую Иисус рассказывает о женщине и судье, о женщине, которая идет к судье и, по сути, беспокоит судью до тех пор, пока судья решает ответить ей и дать ей то, о чем она просила. Вот две основные черты притчи, два главных героя, которые получают аллегорический смысл.

Все остальное в притче предназначено только для цвета, чтобы притча работала. И наконец, чтобы подняться по шкале выше, последний тип притчи можно назвать триадической притчей. И, как следует из этого ярлыка, эти притчи будут иметь три основных момента.

Классическим примером может служить притча, в которой у вас есть хозяин, хороший и плохой слуга под началом этого хозяина, и хозяин будет взаимодействовать с ними обоими. Иногда хороших или плохих слуг могло быть больше одного. У вас может быть несколько хороших слуг и, может быть, один плохой слуга или что-то в этом роде.

Но и в этом случае у вас будет три главных пункта, соответствующих трем главным героям притчи, или три главных иносказательных значения, соответствующих трем главным героям притчи. И опять же, все остальное здесь просто для цвета, просто для того, чтобы притча и история работали. Позвольте

мне привести вам пример из притчи, о которой мы уже говорили пару раз, и это притча о блудном сыне.

И вы знаете, возможно, вы хорошо знаете эту историю, сын, который идет к отцу и просит свое наследство, свою долю наследства. Отец передает ему свое наследство. Сын уходит и растрчивает их на всякую распутную жизнь.

А когда у него заканчиваются деньги, он приходит в себя. Он возвращается к отцу в надежде, что его примут хотя бы как слугу, если не как сына. Но мы сказали, что отец видит сына издалека, выбегает, чтобы поприветствовать его, обнимает, возвращает его и устраивает для сына эту тщательно продуманную вечеринку.

Притча интересно заканчивается еще одним персонажем, то есть старшим сыном, который отвечает и задается вопросом, что делает отец, и отвечает завистью, потому что отец обращается с сыном так, как он не заслуживает. И на этом притча заканчивается. Это классический пример притчи о блудном сыне.

Это в Луки 15, это пример триадической притчи. То есть в этой притче три главных героя: блудный сын, так называемый блудный сын, младший сын, отец и затем старший сын. Итак, при таком способе рассмотрения притчи будет аллегорический смысл, связанный с каждым из трех персонажей притчи.

Опять же, смысл, который имел в виду Иисус, и который соответствует истории и контексту учения Иисуса и жизни Иисуса. Прежде всего, отец в притче, очевидно, олицетворяет Бога, прощающего приходящих к нему в покаянии. И мы немного говорили об исторических ссылках в притче ранее на предыдущем занятии.

Также возможно, что дело в том, что Бог унижает Себя и даже действует и готов рискнуть своим достоинством, когда Он склонился так низко, чтобы принять обратно обиженного Его грешника. Во-вторых, тогда маленький сын или так называемый блудный сын будет представлять собой грешника, который приходит к Богу в покаянии и принимает Божье милостивое принятие. И, наконец, старший сын, вероятно, символизирует фарисеев, которые завидуют, потому что Бог прощает людей, которые его не заслуживают.

Одной из ключевых особенностей, опять же, является то, чтобы поместить эту притчу в ее контекст. Если вы вернетесь к началу 15-й главы, Иисус отвечает фарисеям, которые обвиняют Иисуса в общении со сборщиками налогов и грешниками. Итак, теперь в ответ на это рассказывается эта притча.

Так что старший сын, который завидует, потому что его отец после младшего сына поступил с отцом так, как он поступил, ушел, растратил свое наследство и всякую разнузданную жизнь, старший сын не может понять, почему отец относись к нему, принимай его и относись к нему таким, какой он есть. Тогда старший сын ясно представляет фарисея, который завидует, потому что Бог теперь прощает тех, кто его не заслуживает. И действительно, старший сын, вероятно, тогда представляет любого, кто отвечает завистью, или того, кто не отвечает радостью и хвалой всякий раз, когда Бог распространяет свою благодать на того, кто ее не заслуживает.

Кстати, интересно просто взглянуть на это немного подробнее. Интересно, что в притче никогда не рассказывается, что именно сделал старший сын. Притча оставляет вас в замешательстве с третьим персонажем.

Отец заканчивает тем, что приглашает старшего сына присоединиться к празднованию, присоединиться к вечеринке, но нам никогда не сообщается, что

сделал старший сын. Пришел ли он или вернулся в поле и отверг и проигнорировал провизию своего отца или его приглашение? Возможно, притча намеренно открыта к концу, поскольку Иисус постоянно призывает своих читателей исследовать и разобраться с фарисеем внутри них, чтобы радоваться, когда Бог распространяет свою благодать и прощение на того, кто этого не заслуживает. Все остальное в притче, откормленный телец, кольцо, пурпурная одежда, свиньи и еда, которой маленький сын кормил свиней, когда он пришел к концу самого себя, что он оказался в таком отчаянном положении, что ему хотелось есть пищу, которую ели свиньи, наследство, дикая жизнь - большая часть этого просто нужна для того, чтобы история работала, и ей не следует придавать аллегорический уровень значения.

Но мне кажется, что формальная критика могла бы помочь нам в интерпретации притч, поняв, с какой литературой мы имеем дело, особенно если притчи представляют собой ограниченные аллегории, то есть там главные лица, главные герои рассказа получают аллегорическое значение. то есть, потому что именно так задумал Иисус в данном случае. И что мы должны, основываясь на контексте и исторической ситуации, а также на жизни и учении Иисуса, попытаться понять, каков может быть смысл притчи, значения, связанные с тремя главными героями, или с одним главным героем, или с двумя главных героев в зависимости от того, о какой притче идет речь. За пределами Евангелий критика формы применялась, опять же, не так часто, как в самой евангельской литературе, но критика формы эффективно применялась к другим разделам Нового Завета.

Например, большая часть Павла (одна из вещей, которую вы часто обнаруживаете в посланиях Павла, и вы находите это также и в некоторых других посланиях Нового Завета), заключается в том, что в увещательной или назидательной части писем вы часто встречаете список добродетелей. Павел

скажет что-то подобное тому, что он говорит в 3-й главе Послания к Колоссянам: «Следовательно, возлюбленный — избранник Божий, облеченный», и он перечислит серию любви, то, то, то или отложить, избегать сексуальной безнравственности и т. д. . и т. д., он даст список того, чего следует избегать. Классическим примером является 5-я глава Послания к Галатам, а также дела плоти и плоды духа, где Павел просто приводит список пороков, которых следует избегать.

Таковы дела плоти, и он перечисляет их число, а вот плоды Духа: любовь, радость, мир и т. д. и т. п., и он их перечисляет. Опять же, вы найдете нечто подобное в Послании к Ефессянам и Колоссянам, а также еще в нескольких местах. Скорее всего, Павел опирается на общую форму, которая иногда встречается в греко-римской литературе, известную как список пороков и добродетелей, который просто каталогизирует пороки, которых следует избегать из-за их разрушительного поведения, особенно для общества, и добродетели, которых следует избегать. обнял.

Павел, очевидно, адаптирует их для своих целей, но, возможно, он опирается на очень раннюю форму. Другая интересная форма, которую можно найти, находится в 1-м Послании Петра, помимо посланий Павла, но ее можно найти также в 5-й главе Послания к Ефессянам и в 4-й главе Послания к Колоссянам, где Павел обращается к отношениям между мужьями и женами, детьми и родителями: а затем рабы и господа в обоих этих разделах в Послании к Ефессянам и Колоссянам, и нечто подобное вы находите и в 1 Петра. Но, скорее всего, наставления Павла могут отражать форму, хорошо известную в первом веке, которую некоторые называли домашним кодексом или домашними кодексами.

То есть это могла быть ранняя форма, обнаруженная в греко-римской литературе, которая обуславливала правильные отношения между основными лицами в типичном греко-римском домашнем хозяйстве, потому что домашнее хозяйство рассматривалось как своего рода основная единица в греко-римском доме. -Римское общество, принесшее стабильность обществу. Таким образом, эта форма обращается, в свою очередь, к отношениям между тремя основными ячейками типичного домашнего хозяйства: мужьями и женами, детьми и родителями, а затем рабами и хозяевами. Затем Павел может воспользоваться этой формой, которую мы называем домашним кодексом, чтобы затем наставлять христиан.

Очевидно, что использование Павлом формы и основы поведения будет совсем иным, чем в греко-римском мире, но были предположения, что, возможно, Павел использует эту форму в миссионерских целях, или Павел использует только эту форму. форма только для того, чтобы наставить христианскую семью, или возможно, что он использует эту форму, потому что хочет продемонстрировать, одно из распространенных объяснений заключается в том, что Павел хочет продемонстрировать, что христианство не является подрывным. Оно не разрушает и не опрокидывает отношения, которые греко-римское общество считало ценными, но вместо этого христианство подтверждает это. Опять же, хотя основа Павла и его наставления в некоторых отношениях очень уникальны и сильно отличаются от использования этой формы и того, как эти отношения развивались бы в греко-римской литературе.

Например, тот факт, что Павел велит мужьям любить своих жен, в пятой главе Послания к Ефесянам был бы довольно уникальным в греко-римском мире. Итак, критика формы, я думаю, является ценным историческим подходом и может дать ценную герменевтическую и интерпретативную информацию, если, во-первых, мы избегаем более спекулятивных выводов, а иногда даже более

деструктивных выводов критики формы, и, во-вторых, когда мы сосредоточимся на классификации. а также структура и функции различных форм в Ветхом Новом Завете. Когда мы это сделаем, я думаю, что формальная критика все еще может быть очень ценным инструментом в интерпретации Библии.

Что я хочу сделать сейчас, так это перейти к следующему, опять же, исторически и логически, виду следующей критики в этой триаде, которая, опять же, все подпадает под более широкий зонтик исторической критики, и это будет редакционная критика. Редакционная критика основывается как на критике формы, так и на критике источников, которую мы только что рассмотрели. Критика формы и источников, как мы уже говорили, имеет тенденцию идти за текстом, письменным текстом, чтобы раскрыть устные формы или письменные источники, которые теперь появляются в письменном тексте.

Итак, критика формы и источника в первую очередь шла за текстом и пыталась реконструировать формы и источники. А теперь редакционная критика идет, однако, дальше, хотя она и основана на критике источников и форм и фактически предполагает критику формы и источников. Редакционная критика предполагает, что были использованы источники и были отдельные формы, которые использовали авторы Ветхого Завета или авторы Нового Завета, но она идет дальше и задается вопросом, как эти источники и формы теперь были объединены и сведены автором в законченную книгу. текст? И что это говорит об авторском замысле и авторском, особенно авторском богословском замысле? Итак, если сложить все это вместе, критику редакции можно охарактеризовать следующим образом.

Редакционная критика - это исследование богословских замыслов автора путем изучения того, как он организовал и отредактировал свои источники или организовал и отредактировал свой материал, особенно по сравнению с

другими, писавшими на ту же тему. Итак, исследуя автора, особенно в сравнении с другими, писавшими на ту же тему, или исследуя то, как автор организовал свой материал, отредактировал и использовал свои источники, редакционная критика задается вопросом, что это говорит о богословский замысел автора? Опять же, но в более широком смысле, можно было бы, как я уже сказал, просто использовать редакционную критику, просто сравнивая других, написавших на ту же тему, чтобы увидеть, чем они отличаются и как они относятся к этой теме. Например, многие из нас, вероятно, используют действительно простую форму редакционной критики.

Всякий раз, когда мы смотрим на рождественскую историю, например, на запись рождественской истории у Луки и Матфея, мы спрашиваем, почему они разные? Почему Матфей включает рассказ о волхвах, пришедших посетить Иисуса, и почему Лука вместо этого включает пастухов? Когда мы начинаем задавать подобные вопросы, мы как бы задаем первоначальные вопросы о критике редакции. Но опять же, критика редакции задает вопрос о том, как автор организовал и отредактировал свой материал, который был ему доступен в окончательном тексте, и что это говорит о богословских намерениях автора при написании текста. Таким образом, редакционная критика предполагает две вещи.

Он предполагает, во-первых, автора, что существует автор, создавший этот текст, но, во-вторых, он предполагает существование источников и форм, которые автор взял и теперь систематизировал и отредактировал в своем итоговом документе. Еще раз приведу пару примеров из Ветхого и Нового Завета, и, как я уже неоднократно говорил, мои примеры немного больше ориентированы на Новый Завет, но приведу пример из Ветхого Завета. , тот, который мы только что упомянули, опять же, моя цель не в том, чтобы дать подробное объяснение этого, а просто показать, какие вопросы может задать

критика редакции, рассмотрели ли мы пример того, как 1 Паралипоменон 17 и повествование о Боге говоря через пророка Нафана Давиду при установлении завета с Давидом, где Бог обещает, что построит дом Давиду, он заключает завет с Давидом, что Бог будет его отцом, Давид будет его сыном, и что там всегда будет кто-то, кто будет сидеть на престоле Давида, завет, формула которого стала заветом, стала очень важной позже в Ветхом Завете, а также в Новом Завете. Но мы также видели, что 2 Царств, глава 7, включает ту же формулу завета, почти в совершенно идентичной формулировке, и то же самое изложение слов пророка Нафана Давиду.

Итак, поскольку у нас есть два автора, записывающие схожие выражения, мы можем задаться вопросом: чем они отличаются друг от друга или как авторы использовали это сообщение и как оно указывает на их богословские намерения? Итак, сравнивая способ, которым автор 2-й книги Царств записал рассказ о пророчестве Нафана Давиду в завете с Давидом, с тем, как автор 1-й книги Паралипоменон, 17-й главы, записал те же самые слова, посмотрев, как они это делают, как они включили это, отредактировали и включили в свою собственную композицию, можно было бы различить богословский замысел автора. Один из интересных моментов связан с тем, что во 2 Царств 7, в рассказе автора 2 Царств 7 о завете с Давидом, мы находим интересную фразу: Бог говорит, Бог говорит о царе Давиде, царе, который воссядет на Давидовом царе. «трон», говорит он, «когда он поступит неправильно, я накажу его» — это одна из интересных фраз, встречающихся во 2 Царств 7, но она отсутствует в 1 Паралипоменон, глава 17. И поэтому критика редакции может задаться вопросом, какова может быть богословская цель этой смены автора? Почему автор 1 Паралипоменон 17, если мы предполагаем, что 1 Паралипоменон 17 является источником, или если мы предположим, что 2 Царств является источником 1 Паралипоменон 17, можно спросить, почему автор мог опустить это? Или что это изменение говорит о богословских намерениях автора 1

Паралипоменон 17? Некоторые полагают, что это происходит потому, что автор Первой книги Паралипоменон, обращаясь к конкретной ситуации, пытается изобразить монархию Давида в максимально позитивном свете, продемонстрировать, что период расцвета существования Израиля, золотые дни существования Израиля, находились под монархия Давида.

некоторых, именно по этой причине эта фраза была намеренно опущена. Но главное — взглянуть на эти тексты и задаться вопросом: что могло бы, как авторы адаптировали эти истории, что это могло бы указывать на богословские намерения автора? Опять же, в Новом Завете Евангелия доминировали в критической сцене редактирования. И это значит, что Евангелия, вероятно, логически стали плодотворным полем для редакционной критики, поскольку между ними существует литературная связь.

Итак, можно конкретно спросить, что может быть, если вы сравните Матфея, Марка и Луку, то, как они редактировали свои источники, способ или способ, которым они рассказали эту историю, и чем она отличается друг от друга, что это может означать? что это может рассказать об их богословских намерениях? Один очень интересный пример: если вы сравните 21-ю главу Матфея, 11-ю главу Марка и 19-ю главу Луки, все три из них были текстами, все три из этих текстов описывают события, связанные с Вербным воскресеньем, то есть пришествие Иисуса в Иерусалиме. Все трое фиксируют это событие. Но интересно, если их сравнить, у Мэтью есть два существенных изменения.

Хотя опять же, они фиксируют одно и то же событие, и оно происходит в том же порядке в повествовании, и те же действующие лица и участники и т. д. И очень похожие формулировки. Тем не менее, если сравнить эти три аккаунта, есть некоторые существенные различия.

Если посмотреть на них, у Мэтью есть самые интересные отличия. И я не буду говорить о некоторых различиях между Марком и Люком и о том, что это может сказать об их намерениях, но я хочу сосредоточиться на Мэтью. У Матфея есть две интересные особенности, которых нет у Марка или Луки.

Прежде всего, Матфей упоминает, и снова, это история о том, как Иисус въехал на осленке в так называемое Вербное воскресенье, которое мы празднуем в Иерусалиме. Но Матфей, в отличие от Марка и Луки, упоминает и осла, и осленка. В то время как Марк и Лука упоминают только осленка, Иисус ехал на ослёнке.

Матфей упоминает и осла, и осленка. Во-вторых, наряду с этим, Матфей также цитирует ветхозаветное пророчество из 9-й главы и 9-го стиха Захарии, которого также нет в рассказах Луки или Марка. Итак, в 21-й главе Евангелия от Матфея и в стихах 4 и 5, Матфей говорит, что это произошло для исполнения того, что было сказано через пророка.

И вот он цитирует Захарию 9,9, скажи дочери Сиона, смотри, царь твой придет к тебе ласковый и верхом на осле, на осленке, сытом осле. Обратите внимание: в Захарии 9:9, кажется, предполагается существование двух животных: осла и жеребенка. Итак, что, по-видимому, сделал Матфей, так это то, что Матфей упомянул и осла, и осленка, в отличие от Луки и Марка.

И дело не в том, что Лука и Марк не знали, что осел существует, или не думали, что он существует, и Мэтью это выдумывает. Просто, вероятно, Матфей делает упор на осла и осленка, чтобы продемонстрировать и привести это повествование в соответствие с пророчеством Ветхого Завета. Поскольку одна из главных тем Матфея, хотя и другая, Марк и Лука также заинтересованы в исполнении Ветхого Завета, Матфей в большей степени, чем другие,

демонстрирует ключевые особенности, восходящие к главам 1 и 2, где снова и снова Опять же, ключевые события в жизни Иисуса в раннем детстве, начиная с его рождения, рассматривались как исполнение ключевых текстов Ветхого Завета.

Теперь Мэтью делает это снова и снова. И здесь, где Марк и Лука не включают цитату, Матфей ясно дает понять, что Матфей хочет прояснить, что это событие было исполнением пророческих текстов Ветхого Завета, как он делал на протяжении всего своего Евангелия. И по этой причине Матфей также включает в историю осленка и осла, поскольку он пытается прояснить, что это событие является исполнением пророчества Ветхого Завета.

Таким образом, сравнивая повествование Матфея, Марка и Луки об одной и той же истории и рассматривая разницу в том, как Матфей ее отредактировал, как он организовал ее и использовал в своем собственном повествовании, можно начать видеть богословскую богословскую точку зрения Матфея. намерение. Это даже больше, чем Лука и Марк, желающие подчеркнуть пророческое исполнение этого события в Ветхом Завете, включая осленка и осла, показывает, что это повествование соответствует и является исполнением текста Захарии 9-9. Еще один пример, о котором мы уже упоминали, хотя неясно, обязательно ли Матфей или Лука зависят друг от друга, но они могут зависеть от общей истории, которая за этим стоит, тем более, что ни один из них не присутствовал бы, я Не думаю, что во время этих событий Мэтью и Лука записывают рождественскую историю, рассказ, который, как мы сказали, не встречается нигде у Марка.

Марк сразу переходит к Иоанну Крестителю, появлению Иоанна Крестителя и взрослой жизни раннего служения Иисуса. И у Матфея, и у Луки есть описание рождения Иисуса, широко известное повествование о Рождественской истории.

Но, как мы уже упоминали, при сравнении этих историй интересно отметить различия.

Несколько ключевых отличий. Во-первых, это одна из вещей, которую вы найдете у Матфея, чего не так много у Луки, хотя в некоторых предыдущих главах, особенно в первой главе Луки, вы действительно найдете конкретные намеки и ссылки на Ветхий Завет. Но Матфей, как мы уже видели в первой и второй главах, хочет прояснить, что жизнь Иисуса, его раннее детство, его рождение и раннее детство, события и движения, окружающие его, — все это рассматривается как исполнение текстов Ветхого Завета. .

Второе отличие состоит в том, что Матфей записывает посещение Иисуса волхвами, вероятно, через год, а может быть, даже почти через два года после его рождения. К тому времени, когда так называемые мудрецы или волхвы приходят навестить Иисуса, его явно уже нет в хлеву. Теперь Иисус есть, он на самом деле у Матфея назван мальчиком, и волхвы находят его в этом доме, а не в конюшне.

Таким образом, события второй главы Евангелия от Матфея, вероятно, происходят через год или два после событий второй главы Луки. Но вот что интересно: у Матфея волхвы приходят навестить Иисуса, а у Луки пастухи приходят навестить Иисуса. И Матфей, кажется, ничего не знает или, по крайней мере, ничего не говорит о пастырях, приходящих к Иисусу, а Лука ничего не говорит о каких-либо волхвах, приходящих к Иисусу.

Есть предположение, что одно из них: возможно, Матфей придумал историю о волхвах, чтобы заменить пастухов. Но возможно ли, что оба события действительно произошли, но Матфей и Лука просто избирательно относятся к тому, что они записывают и как они записывают событие, чтобы это

соответствовало их основному богословскому замыслу. Так, например, Матфей очень заинтересован в том, чтобы подчеркнуть Иисуса как Христа, Мессию, подчеркнуть царский статус Иисуса, что он и делает в первой главе с этой длинной генеалогией, связывающей Иисуса как с Авраамом, так и с Давидом.

Поэтому Матфея особенно интересует царский статус Иисуса как Мессии, Царя Иудейского. И поэтому он изображает Иисуса как человека, у которого был очень царственный прием. Хотя член королевской семьи в Иерусалиме, царь Ирод, не удосужился выйти через заднюю дверь, чтобы увидеть Иисуса, у вас есть другие высокопоставленные лица, богатые сановники, приехавшие из довольно дальних стран, чтобы посетить Иисуса и принести ему довольно дорогие дары в виде золота и ладана. и мирра — типичные подарки, которые можно было бы подарить важным людям, например членам королевской семьи.

Поэтому Матфей построил свою историю так, чтобы подчеркнуть царский прием Иисуса как Царя и Мессии. Более того, Матфей, кажется, больше, чем кто-либо из других Евангелистов, заинтересован в восприятии Евангелия язычниками. И мы вернемся к этому позже, но на самом деле, приглашая волхвов посетить Иисуса, Матфей подчеркивает, что Евангелие предназначено не только для евреев, но и для язычников.

Помните, глава 1 и стих 1 Матфея начинаются с того, что это родословная Иисуса, сына Авраама и сына Давида. Назвав Иисуса сыном Авраама, именно через Авраама в Бытие 12 Бог в конечном итоге благословил все народы земли. Теперь, как сын Авраама, Иисус теперь принят язычниками в самом начале повествования.

Итак , Мэтью придумал свою историю. Есть еще кое-что, что делает Матфей, и мы вернемся к этому тексту позже, когда будем говорить об использовании Ветхого Завета в Новом. В этой истории происходят и другие вещи, но Матфей строит свою историю редакционно , чтобы подчеркнуть прием Иисуса язычниками, а также царский прием, который получает Иисус как Царь Иудейский, как Мессия.

В то время как Лука, Лука более скромн, у Луки Иисус родился и вырос в очень униженной и очень скромной среде. Так что Луке подходит тот, кто, когда вы читаете остальную часть Евангелия (а это важная особенность редакционной критики), которую нужно изучить, когда я смотрю на то, как автор использует свой источник, смотреть на закономерности на протяжении всей книги. Одна из закономерностей, которую вы видите у Луки, заключается в том, что Иисус в конечном итоге становится спасителем и часто выходит на помощь изгоям общества.

Его поймали на общении с такими людьми, как сборщики налогов, которые, хотя и были очень богаты, считались, как вы знаете, большинство людей враждебно настроенными по отношению к ним. По разным причинам Иисус общается с отвратительными самаритянами. У вас есть Иисус , касающийся и исцеляющий людей, как прокаженных, от проказы.

У вас есть Иисус, общающийся с самыми разными людьми, маргиналами, отвратительными людьми общества. Версия рождественской истории, рассказанная Люком, идеально соответствует этому. Рождение Иисуса в отвратительной конюшне, которая, вероятно, напоминала бы навес над домом, где держали животных, а также другие вещи, такие как кормушки, ясли.

Имея Иисуса, рожденного в такой среде, и заставляя пастырей приходить и навещать Иисуса, вероятно, самого низкого на социально-экономическом тотемном полюсе, Лука пытается изобразить Иисуса, в соответствии с остальной частью его истории, как приходящего к тем, кто является очень скромного происхождения, которые подвергаются остракизму, изгоям общества. Итак, Матфей и Лука четко структурировали свои Евангелия, а также рождественскую историю: они отредактировали, систематизировали и записали ее таким образом, чтобы это ясно отражало их богословские намерения. Итак, исследуя эти два Евангелия, которые относятся к одной и той же истории и описывают одну и ту же историю, поучительно увидеть изменения, которые они вносят, или то, чем они отличаются, и что это может сказать о богословских намерениях двух авторов.

Таким образом, как в Ветхом, так и в Новом Завете, когда автор опирается на очевидные источники или формы, которые он использовал в своей работе, или когда два автора пишут на одну и ту же тему, поучительно спросить, чем они отличаются друг от друга: и как они организовали и использовали свой материал, и что это может сказать о богословских намерениях авторов. Опять же, в конце концов, критика редакции должна быть проверена путем рассмотрения всего Евангелия, чтобы убедиться, что выводы, которые можно сделать в отношении того, как автор может редактировать определенные разделы, соответствуют тому, что, кажется, происходит во всем Евангелии. И что интригует в связи с этим, редакционная критика фактически начинает уступать место другой критике, на которую я не собираюсь тратить много времени, но известную как критика композиции, рассматривающая Евангелия в целом и то, как они были помещены. вместе, например.

Таким образом, редакционная критика может быть ценным инструментом, помогающим нам раскрыть богословские намерения автора, рассматривая то,

как автор адаптировал и систематизировал свой материал, редактировал свой материал, чтобы передать свою богословскую точку зрения. И снова, редакционная критика - это еще один метод критики, который, если исключить его негативные предпосылки, ранее некоторые практикующие редакционную критику говорили, что каждый раз, когда автор вносил изменения в свои источники или пытался донести богословские идеи, автор, должно быть, не был заинтересован в истории. Но если оторваться от этих негативных предположений, редакционная критика может помочь нам понять богословский смысл и намерение текста.

Теперь обсудим критику редакции, где автор, похоже, теперь играет более важную роль, чем в случае критики формы и источников, поскольку мы не столько заинтересованы в том, чтобы проникнуть за текст Ветхого Нового Завета и восстановить источники и формы, сколько мы спрашиваем, что мы предполагаем, что автор теперь взял эти формы и источники и расположил их в тексте. Редакционная критика начинает больше сосредотачиваться на авторе и, таким образом, поднимает вопрос о намерениях автора. Поэтому я хочу перейти еще под более широкую сферу исторической критики, изучить вопрос авторского замысла и взглянуть на автороцентрированные подходы к интерпретации.

Таким образом, частью исторической критики является автор, написавший текст, автор, написавший текст. Таким образом, намерение автора — это попытка раскрыть, каковы наиболее вероятные намерения автора при создании и написании этого текста, как выяснилось при изучении самого документа. Одним из главных людей, вызвавших интерес к замыслу автора, о котором мы уже говорили немного времени, но кратко представим его снова, является Фридрих Шлейермахер, который как своего рода продукт Просвещения, но реагируя на это, реагируя на Просто рационалистический подход к интерпретации,

подчеркивающий силу человеческого разума и научных открытий, Шлейермахер подчеркивал сочувствие к автору при интерпретации библейского текста.

То есть, согласно Шлейермахеру, цель интерпретации заключалась в том, чтобы восстановить прошлый поступок автора и фактически поместить себя в сознание автора. На самом деле можно было сопереживать автору, идентифицировать себя с ним и восстановить его истинные намерения. Так что, по мнению Шлейермахера, замысел автора понимался прежде всего в психологических терминах.

И снова мы иногда слышим нечто подобное сегодня, когда нам говорят на курсах или в учебниках по толкованию Библии, что толкователь должен попытаться поставить себя на место автора или попытаться поставить себя на место автора и понять, что они пытались сообщить. Хотя большинство сегодня, возможно, дистанцируется от подхода Шлейермахера, особенно от его более психологического подхода к раскрытию замысла автора, большинство все равно будет рассматривать намерение автора как важный шаг в интерпретации. И действительно, какое-то время это рассматривалось как основная цель интерпретации.

В большинстве учебников по герменевтике и библейской интерпретации где-то указывается, что цель состоит в том, чтобы в конечном итоге восстановить смысл, который задумал автор. Правильный смысл текста – это тот смысл, который намеревался донести автор. Так, например, это всего лишь серия цитат из нескольких учебников по герменевтике или библейскому толкованию.

Я не буду упоминать автора учебника, но я только что просмотрел некоторые из них, чтобы дать вам представление. И большинство из них появились сравнительно недавно. Это не древние произведения.

Большинство из них были написаны или, по крайней мере, переработаны с 2000 года. Так, например, в одном учебнике говорится, что автор или редактор намеревался передать сообщение определенной аудитории для достижения какой-то цели. Наша цель — раскрыть смысл текста в этих терминах.

Это то, что автор пытается донести до читателей в определенном историческом контексте. Или вот еще один. Экзегеза — это попытка услышать слово так, как его должны были услышать первоначальные получатели.

Узнать, каков был первоначальный смысл слов Библии. Интересно, что в этом объяснении не упоминается автор, но, опять же, оно предполагает, что в тексте, который автор пытался донести, есть предполагаемый смысл, и это то, к чему мы должны стремиться и что восстановить. Вот еще один.

Последнее, что я скажу, это то, что смысл текста заключается в том, что автор сознательно хотел им сказать. И опять же, это всего лишь показатель того, что предполагают многие учебники по библейским толкованиям и герменевтике. Таким образом, правильное значение текста, будь то текст Ветхого Завета или текст Нового Завета, — это тот смысл, который автор-человек намеревался передать и передать первоначальным читателям.

Таким образом, цель интерпретации состоит в том, чтобы попытаться раскрыть это посредством анализа и изучения текста. Пытаются определить, что автор пытался создать, создавая текст. Что пытался донести автор? Таким образом, цель состоит не столько в том, чтобы восстановить то, что современный

читатель думает об этом тексте, сколько в том, что с исторической точки зрения пытался сообщить исторический автор? И в большинстве этих герменевтических учебников, используя здравые методы и правила применения или применяя здравые методы и правила интерпретации, можно прийти к намеченному смыслу.

В этом смысл того, что автор пытался сообщить и намеревался сообщить. Но один вопрос, я хочу поднять пару вопросов. И один из них: почему замысел автора считается необходимым? Почему достижение интерпретации считается такой важной целью? И, с другой стороны, поднимем вопрос : каковы возражения против замысла автора? Почему некоторые возражали против замысла автора как основной цели интерпретации? И вот, наконец, попробуем собрать все воедино и сделать выводы.

Является ли намерение автора действительной целью интерпретации? И как мы об этом думаем? Итак, прежде всего, почему намерение автора рассматривалось как такая важная цель? Почему такой акцент на замысле автора? Я просто перечислил ряд причин, но могут быть и другие. Но в первую очередь это просто тот факт, что тексты создаются авторами. Даже сегодня авторы пишут, чтобы общаться.

Авторы пишут обычно для того, чтобы что-то сообщить, и пишут для того, чтобы их поняли. Таким образом , предполагается, что библейские авторы, Ветхий Новый Завет, как мы его знаем, являются продуктом авторов, пытающихся сообщить что-то, что может быть понято его читателями. И поэтому раскрыть замысел автора — достойная, справедливая и необходимая цель.

Так что тексты не появляются просто так, и они не возникают просто так. И обычно авторы пишут не для того, чтобы запутать или ввести в заблуждение,

хотя они могут сделать это случайно. Или иногда некоторые авторы намеренно пишут, чтобы запутать и ввести в заблуждение.

Но авторы обычно общаются, чтобы их поняли. И поэтому целью интерпретации является то, какой смысл задумал автор. Вторая причина, по которой некоторые считают намерение автора таким важным усилием в библейской интерпретации, заключается в том, что намерение автора является тем, что является арбитром между противоречивыми интерпретациями.

Таким образом, правильная интерпретация текста – это та, которую автор намеревается передать. Таким образом, из всех предложенных значений, особенно когда конфликтующими значениями является интерпретация, соответствующая замыслу автора, следует отдать предпочтение интерпретации. Номер третий, немного связанный с этим, заключается в том, что намерение автора обосновывает смысл.

То есть смысл не является открытым. Смысл не является общедоступным. Но именно намерение автора удерживает интерпретацию от выхода из-под контроля, от того, чтобы она стала всеобщей или вседозволенной.

Интерпретация ограничивается тем, что мог иметь в виду автор. Оно основано на замысле автора. Поэтому, когда я читаю в книге Иезекииля о битве Гога и Магога, мы понимаем, что эта битва и эти термины должны быть основаны на том, что автор намеревался передать.

Четвертое — это намерение автора, и оно относится к интерпретации в более широком смысле, но намерение автора в интерпретации рассматривается как основа хорошего богословия. Таким образом, правильная интерпретация текста основывается на замысле автора и является основой для богословского

размышления и формулирования. Другими словами, богословие зависит от хорошей экзегезы, которая зависит от устойчивого смысла текста, основанного на замысле автора.

Пятый фактор – это тот факт, что мы имеем дело с вдохновенным Писанием. Если имеющиеся у нас ветхозаветные тексты являются вдохновенным словом Божиим, то необходимо раскрыть смысл, который задавали авторы, как человеческий автор, так и божественный автор. Если это послание Бога человечеству, если это вдохновенное слово Божье, то в тексте должен быть какой-то смысл, какое-то намерение, которое я могу понять и восстановить.

Таким образом, тот факт, что эти Священные Писания вдохновлены, по-видимому, предполагает обоснованность намерения автора как цели и тот факт, что намерение автора-человека — это единственный доступ, который у нас есть к намерению Бога, чтобы сообщить нам. И, наконец, что-то вроде того, что связано с первым, но, наконец, некоторые могут сказать, что аргументы в пользу обратного обречены на провал. То есть те, кто утверждает, что невозможно знать намерение автора или что намерение автора является ненужным или неуместным, стремятся к тому, чтобы их статьи и книги об этом были поняты.

Таким образом, попытка доказать, что невозможно понять намерение автора, предполагает, что другие, прочитавшие мою статью, поймут мое намерение сообщить об этом. На основании этого можно сделать вывод, что цель интерпретации состоит в том, чтобы восстановить задуманное автором значение. Что пытался донести автор? И обычно посредством применения здравых принципов интерпретации, рассмотрения исторического фона, более широкого контекста, значения слов и т. д. в этот период времени, всего этого и

того, что мы можем знать об авторе и его читателей, все это поможет прийти к разумной реконструкции замысла автора.

Но, сказав это, следующий вопрос, который следует задать: почему некоторые отвергли намерение автора? И является ли намерение автора действительной целью интерпретации? Мы рассмотрим эти вопросы на следующем занятии.